

Е. Г. Иванцов
Днепропетровск

ПЕСНЯ КАК МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАРКЕР ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

Розглядається різноманітний музичний ландшафт в романі О. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Автор вважає, що достатньо великий пісенний матеріал, який згадується в тексті, є своєрідним музичним маркером часу. Музичний дискурс обширний в тексті і представлений згадками гімнів, пісень, романсів, частушок, які створюють особливу атмосферу романної оповіді. Найбільш цікавим літературознавчим акцентом розгляду пісенного і музичного матеріалу в книзі є соціально-культурна та історико-культурна парадигми. Аналізується також жанрова модифікація тексту як роману-ідилії у зв'язку з його пісенно-музичною складовою. Ідилічна константа сприйняття, зокрема, романсів очевидна. Пісенний «текст» у романі розглянуто автором статті на трьох рівнях: рівні індивіда, на рівні соціумної групи і на рівні культури конкретного часу. Опис музичного фону в романі аналізується з позицій двох векторів/ модусів пісні як специфічного музичного маркера часу: вектора власне часу (минуле – сучасне) і соціокультурного вектора. У часовому модусі функціонування пісня існує в романі у двох локусах: актуалізуються теперішнє або минуле. Сьогодення – це пісні, гімни, мелодії, що звучать по радіо чи виконували солдатами, піонерами, поселенцями, музика з популярного кіно. Минуле пов'язане зі спогадами про дореволюційне життя у Вільно і в довоєнній Москві – тут важливі жанри романсу, опери.

Ключові слова: *пісня, пісенний текст, музичний маркер, роман-ідилія.*

Рассматривается разнообразный музыкальный ландшафт в романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Автор полагает, что достаточно обширный музыкальный материал, упоминающийся в тексте, является своеобразным музыкальным маркером времени. Музыкальный дискурс обширен в тексте и представлен упоминаниями гимнов, песен, романсов, частушек, которые создают особую атмосферу романного повествования. Наиболее интересным литературоведческим акцентом рассмотрения песенного и музыкального материала в книге является социально-культурная и историко-культурная парадигмы. Анализируется также жанровая модификация текста как романа-идиллии в связи с его песенно-музыкальной составляющей. Идиллическая константа восприятия, в частности, романсов очевидна. Песенный «текст» в романе рассмотрен автором статьи на трёх уровнях: уровне индивида, на уровне социумной группы и на уровне культуры конкретного времени. Описание музыкального фона в романе анализируется с позиций двух векторов/модусов песни в качестве специфического музыкального маркера времени: вектора собственно времени (прошлое – настоящее) и социокультурного вектора. Во временном модусе функционирования песня существует в романе в двух локусах: актуализирует настоящее или прошлое. Настоящее – это песни, гимны, мелодии, звучащие по радио или исполняемые солдатами, пионерами, поселенцами, музыка из популярного кино. Прошлое связано с воспоминаниями о дореволюционной жизни в Вильно и в довоенной Москве. Здесь важны жанры романса, оперы.

Ключевые слова: *песня, песенный текст, музыкальный маркер, роман-идиллия.*

The article discusses the musical landscape in the novel A. Chudakova "Haze lies on the old stage". The author supposes that extensive enough musical material mentioned in the text, is a kind of song marker time. Musical discourse in the text is very extensive and presented by hymns,

songs, ballads, limericks, which create a special atmosphere of the novel narration. There are about two hundred such references. Two chapters are devoted entirely to musical theme. The most interesting literary emphasis concerning song and music material in the book is socio-cultural and historical-cultural paradigm. The modification of the text as a genre of novel idyll in connection with his song component is also analyzed. Idyllic compensatory of perception in particular, of romances and participation heroes in their performance are obvious. Song "text" in the novel was considered in three levels: individual, social group, actual culture of a particular time. Description of background music in the novel is analyzed from the standpoint of two vectors / modes of songs as a specific marker of musical time: vector proper time (past - present) and sociocultural vector. In the temporal mode of functioning of the song exists in the novel in two loci: updates the present or the past . Real - these are songs, hymns, music, sounding on the radio or executable soldiers, pioneers, settlers, music from popular movies. Past due to the memories of the pre-revolutionary life in Vilna and in prewar Moscow – here are important genres of romance, opera.

Key words: *song, song lyrics, music marker novel Idyll.*

Песня – один из самых массовых музыкальных жанров. Это делает её чутким «барометром» времени. При этом очевидно, «что вершинная культура не существует и не может быть описана без второй, более массовой или совсем массовой» [5, с. 223]. Песни являются знаками времени, в них концентрируется некая смысловая, ритмическая, идейная, а сегодня и визуальная (клиповая) парадигма отражения массового сознания или ментальных черт отдельного индивида. Песня на протяжении столетий была и остается социальным феноменом, она может быть точным определителем социального статуса слушателя, его нравственных, поведенческих, групповых, национальных, вкусовых и т. п. особенностей и предпочтений. «Песня – маленький, но очень чувствительный культурный организм, обладающий способностью гибко приспосабливаться ко всем особенностям своей среды, ко всем контекстам своего существования. Культурным, социальным, экономическим, технологическим...» [2, с. 64]. Песни, популярные в той или иной среде, организуют, создают, формируют некое песенное пространство, в котором, к примеру, жанровая система музыкальной практики или музыкальных пристрастий и вкусов становится своего рода «визитной карточкой» социальной группы. При этом, как отмечает Ю. С. Дружкин, песня «обнаруживает высочайшую лабильность, способность гибко и быстро реагировать на все изменения, веяния, тенденции, происходящие в культуре и в обществе в целом» [2, с. 64].

Песня, напев как в индивидуальном исполнении, так и в коллективном, используются в художественной литературе давно и часто служат своеобразным музыкальным маркером, акцентирующим внимание на особенностях повествования о конкретных событиях в определённом месте, подчёркивают характерологические черты героя, особенности его мышления, поведения. Достаточно вспомнить хрестоматийные примеры: пение в стане Пугачёва у А.С. Пушкина в романе «Капитанская дочка», пение Ольги Ильинской, которое слушает Обломов в одноимённом романе И.А. Гончарова

или ситуацию певческого соревнования в рассказе И.С. Тургенева «Певцы» и т. п.

Примечательным в плане использования песенного материала является роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», признанный решением жюри конкурса «Русский Буккер» лучшим русским романом первого десятилетия нового века. Впервые он был опубликован в журнале «Знамя» за 2000 год. В тексте пятисотстраничного произведения «музыкальная тема» упоминается более восьмидесяти раз; названия песен, романсов, маршей, гимнов, опер употреблены около двухсот раз, две главы («Вечерний звон» и «Другие песни») полностью посвящены музыкальной тематике. На наш взгляд, наиболее интересным литературоведческим акцентом рассмотрения песенного и музыкального материала в тексте романа является социально-культурная и историко-культурная исследовательские парадигмы.

Жанр произведения А. Чудакова определён им самим как роман-идиллия. Для автора данная жанровая константа является подчёркнуто важной и вынесена на обложку книги. По этой причине мы остановим внимание на жанровой модификации произведения и его связи с песенно-музыкальным ландшафтом повествования. Казалось бы, идиллический локус не совсем подходит хронотопическим характеристикам текста – временам позднего сталинизма и маленькому городу Чебачинску, расположенному в казахстанском приграничье, куда по собственной инициативе переезжает интеллигентная семья Саввиных – Стремоуховых, чтобы избежать репрессий и выжить в непростое время. Можно усмотреть, видимо, некую авторскую иронию в таком определении жанра, однако нельзя забывать, что автор – филолог и идиллический модус для него важен совсем по другим причинам. Во-первых, возможно, нужно учитывать, что термин «идиллия» означает по одному толкованию «картинку», по другому, более правдоподобному, «песенку». Во-вторых, нужно вспомнить работу М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», в которой отдельная глава посвящена идиллическому хронотопу в романе и различным типам идиллии: любовной, земледельчески-трудовой, ремесленно-трудовой и семейной [1]. В романе А. Чудакова, на наш взгляд, идиллический хронотоп имеет смешанный характер. Важным, однако, фоном трудовой и семейной жизни является песня. Она создаёт определённое настроение, возвращает в прошлое или актуализирует настоящее. В-третьих, как отмечал Эрих Фромм в работе «Здоровое общество», «я оказываюсь перед дилеммой “пытаться изменить мир – или приспособливаться к нему”». Сколь многие незаурядные личности отказались от разрешения этой дилеммы и выбрали уход из мира социальных отношений, уединенный и едва ли не отшельнический образ жизни. Остаться здоровым (“нормальным”) в глазах окружающих и при этом жить в конфликте с самим собой, с собственной природой – незавидная участь. В то же время уединенная жизнь в лесу, которую так ярко живописал Торо, может показаться недостижимым идеалом гармонии человека и мира, однако цена этой идиллии – одиночество и изоляция от общества» [6, с. 58]. Сознательное

бегство из тоталитарного общества – плата за некую семейную гармонию, умиротворение в далёкой советской провинции.

Идиллический компонент в романе включает в себя песню, в частности, как некое возвращение в прошлое, которое хранит в себе идеал. Чаще всего, если музыкальная композиция или тема выбирается самим слушателем или исполнителем, она создаёт определённое настроение, как правило, позитивное настроение, что становится важным фоном идиллического хронотопа. В тексте А. Чудакова данная константа относится прежде всего, на наш взгляд, к романсу, который в этом плане – особая «песня», предполагающая интимность, камерность, обязательную диалогичность между исполнителем и слушателем. С другой стороны, романс пробуждает эмоции из прошлой жизни героев романа. В прошлом есть идеал, столь важный для полноты идиллии. «Словом “идиллия”, – писал В. Гумбольдт в 1798 году, – пользуются не только для обозначения поэтического жанра, им пользуются также для того, чтобы указать на известное настроение ума, на способ чувствования» [3, с. 288]. Романс в качестве музыкальной иллюстрации такого «способа чувствования» подходит как нельзя лучше. Любопытно, что в сталинские времена романс – почти запрещённый песенный жанр, а причина этого идеологична: «в годы гражданской войны романс и песня всё дальше отходят друг от друга, становясь символами двух противоборствующих сил на политической арене: Красная армия была представлена революционной и другого рода песнями, Белая армия – романсом» [4]. Центральная глава произведения А. Чудакова посвящена именно романсу, специфике его исполнения в семье. Идиллическая компенсаторика восприятия текстов романсов и участия в их исполнении очевидны: «На самую бабушку больше всего действовал романс “Вот вспыхнуло утро, румянятся воды, над озером быстрая чайка летит”, особенно последние строчки, завершающие печальную историю девушки, которую, как чайку, погубил “один неизвестный”...» [5, с. 225]. Именно к романсу как объекту научного интереса обращается младший из семьи Саввиных – Стремоуховых, Антон, сделавший как-то доклад о жестоком романсе и намеревавшийся написать работу о его поэтике; однако он «загорелся, собрал материал, но, как и многое другое, не написал» [5, с. 443].

В песенном «репертуаре» семьи были, разумеется, не только романсы. Звучали и дореволюционные песни, даже гимн «Боже, царя храни», частушки, городской шансон, ресторанные песни, переделки советских и другое. Для автора романа, написавшего своеобразную семейную хронику, по нашему мнению, важным представляется и то, что традиция семейного камерного исполнения переходит как бы по наследству: «Спели “Вечерний звон” – в первый раз без дедовского “Дон! дон! дон!”. Бабка сидела, закрыв глаза, дядя Лёня молчал, тётки плакали. Через несколько лет Антон будет петь его дуэтом – только с мамой» [5, с. 498].

Отдельную песенную лакуну в романе составляет музыкальный фон, создаваемый песнями, звучащими по радио, в кинофильмах, доносящимися из репродукторов, исполняемыми на улице идущими строем красноармейцами

или пионерами. Вот характерный пример упоминания песни и того, как она отражает идеологические реалии сталинского времени, становится иллюстрацией тоталитарной системы власти: «...таблички “Улица Амангельды» то вешали, то снимали – в зависимости от того, кем считался Амангельды Иманов. Если по радио передавали песню: “Запевайте, горы Ала-Тау, и снега, и льды. Добывать идём в бою мы славу, как Амангельды”, – это означало, что он герой освободительной борьбы, но когда её передавать переставали, значит, он опять становился буржуазным националистом, и таблички снимали» [5, с. 54]. Если на экранах шёл фильм «Танкисты», «...все песню пели: “Сверкая блеском стали”, когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин» [5, с. 66].

Массовой песне и особенностям её исполнения в народной среде, но уже в другие времена – в восьмидесятые годы прошлого столетия – посвящена глава «Другие песни». Антон едет в поезде и слышит, как поют в соседнем купе «Вот кто-то с горочки спустился». Его приглашают присоединиться к купейному «хору». «Он присоединился, он любил современный лубок, считал его не хуже старого и не раз спорил на эту тему с друзьями-филологами. Запели песни военного времени, их Антон, как и всё его поколение, дети радио, знал хорошо» [5, с. 252]. Именно Антон в романе становится героем, аккумулирующим и соединяющим в себе, в своей памяти, песенное пространство разных эпох: условно, с конца девятнадцатого века до конца двадцатого. Иногда эта «песенная память» вбирала в себя текстуальные вариации, принадлежащие разному времени: «Были и ещё хорошие песни. Одна имела два припева. Первый: “Так за царя, за родину, за веру мы грянем громкое ура-ура-ура”. Второй: “Так за совет народных комиссаров мы грянем” то же самое “ура”. Чтобы исполнялись в очередь оба припева, следил отец» [5, с. 254].

Мы рассмотрели лишь небольшую часть песенного ландшафта в романе А. Чудакова. Сделаем некоторые обобщающие констатации. Музыка (чаще это песня) создает неповторимую атмосферу жизни, выполняет компенсаторную функцию в ситуации изгнания, пусть и добровольного. Нам представляется, что в описании музыкального фона в романе интересны могут быть два вектора/модуса песни в качестве музыкального маркера времени: вектор собственно времени (прошлое – настоящее) и социокультурный вектор. Во временном модусе функционирования песня существует в романе в двух локусах: актуализирует *настоящее* или *прошлое*. Настоящее – это песни, гимны, мелодии, звучащие по радио или исполняемые солдатами, пионерами, поселенцами, музыка из популярного кино. Прошлое связано с воспоминаниями о дореволюционной жизни в Вильно и в довоенной Москве. Здесь важны жанры романса, оперы.

Песенный «текст» в книге может быть рассмотрен, на наш взгляд, на трех социокультурных уровнях: на *уровне индивида* (воспринимающего музыку, исполняющего или комментирующего её); на *уровне социальной группы* (музыкальные вкусы, интересы, предпочтения); на *уровне культуры*

(миропонимание, потенциальные культурные возможности исполителя/слушателя).

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/hronotop9.html>
2. Дружкин Ю. С. Песня как социокультурный феномен / Ю. С. Дружкин / Обсерватория культуры. – 2010. – №3. – С. 63–66.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий // Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. Информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 с.
4. Черва В. Е. Романс в истории русской художественной культуры [Электронный ресурс] / В. Е. Черва : автореферат на соискание науч. степени канд. культуролог. наук, спец. 24.00.02 – историческая культурология. – 1999. – СПб., 1999. – 20 с.: Режим доступа: <http://romance.ru/cgi-bin/index.cgi?page=d-6-3&item=0>
5. Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия/ А. П Чудаков. – М.: Время, 2012. – 640 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество/ Э. Фромм. – М.: Аст Москва, 2006. – 83 с.

Надійшла до редколегії 27 березня 2014 р.